

Nota Bene

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ • № 14 АПРЕЛЬ 2006 • ИЕРУСАЛИМ

- ВЛАДИМИР ЖУКОВ. Крыш
- МАРТИН ВАН КРЕВЕЛЬД. Израилю не угрожает опасность со стороны Ирана
- САМСОН МАДИЕВСКИЙ. «Народное государство» Гитлера
- МИХАИЛ БЛЮМЕНКРАНЦ. В поисках имени и лица
- АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ. Два козла против мирового зла
- ТОМАС СОУЭЛЛ. Уникален ли антисемитизм?



Уникален ли антисемитизм?

Томас Соуэлл

старший научный сотрудник Гуверовского института

Перевод, примечания и послесловие Игоря Веслера

Что общего у евреев с армянами, ибо¹ и марвари²? Исторически сходные закономерности развития их экономической и социальной роли – и закономерности гонений.

Ужасы Катастрофы, казалось бы, должны были навсегда покончить с антисемитизмом, став его осуждением; однако, эта древняя и ядовитая поросль ненависти вновь возрождается в Европе уже в наше время. В какой мере это объясняется ростом мусульманского населения европейских стран – вопрос, ответить на который не так уж просто.

На протяжении столетий многочисленные объяснения антисемитских идей и действий (в том числе погромов и массовых изгнаний) во многом сводились к особенностям взаимоотношений христиан и евреев (в Европе) или евреев и мусульман (на Ближнем Востоке). Тем не менее, многие такие действия, подкреплённые такими же идеями и во многих случаях сопровождаемые теми же словечками и выражениями, совершались в отношении и других групп, которым не были присущи черты, якобы объясняющие антисемитизм христиан и мусульман. Эти другие группы – армяне Османской империи, нигерийское племя ибо, марвари в Бирме, этнические китайцы (хуацяо) в странах Юго-Восточной Азии и ливанцы во многих странах – не имели с евреями ни общей религии, ни общего языка, и даже не принадлежали к одной расе. Роднили их экономические и социальные роли.

На определённом этапе своей истории все эти группы представляли собой «меньшинства посредников» - т.е. людей, по роду занятий оказывающихся между производителями и потребителями, будь то мелкая торговля или ростовщичество. Представители этого меньшинства часто начинали как разносчики, коробейники, бродячие торговцы с кулем за спиной или тележкой. С этого начинались даже такие крупные фирмы как «Мейсис»,

¹ Негритянское христианское племя, составляющее один из штатов Нигерии. В июне 1960 г. в столице страны произошло столкновение; мусульмане обвинили в этом ибо. В последующие пять месяцев ибо, жившие на севере, подверглись истреблению. Уцелевшие ибо бежали с севера и запада на восток. Восточные провинции были блокированы правительством. 30 мая 1967 г. ибо провозгласили независимость восточной части Нигерии, получившей название Биафра. В июле 1967 г. началась гражданская война, в ходе которой мусульмане за два с половиной года уничтожили почти половину народа ибо (от 1 до 2 млн.).

² Торгово-ростовщическая община из древнейшей касты простолоудинов (вайшьи) происхождением из раджпутского княжества Марвар (Индия), заполонивших в середине XIX века города и поселки всей Южной Азии. В современной Индии представители марвари возглавляют ряд крупных компаний.

«Блумингдейлс» и «Леви Стросс», основанные евреями³, и «Хаггар» и «Фара»⁴ - ливанцами.

Это занятие – бродячий торговец – было широко распространено среди евреев Восточной Европы, эмигрировавших в XIX в. в Америку. Следующим шагом часто становилось владение мелкой лавочкой. Сходные закономерности занятий мелкой розничной торговлей были свойственны ливанцам в Бразилии и китайцам-хуацяо в Юго-Восточной Азии, а в равной степени и другим «меньшинствам посредников» в самых разных странах мира. На первых порах владельцы этих лавочек жили там же, где торговали, - в крошечных помещениях, где днём толклись покупатели. Так, на ночь ливанские лавочники в Сьерра-Леоне просто устраивались на прилавках своих заведений. В Индии при переписи населения марвари часто не попадали в опросные листы переписчиков – поскольку они фактически жили в своих лавочках на торговых улицах, даже не появляясь в жилых кварталах. В Америке еврейские лавочники часто обитали в закутках за торговым помещением или в лучшем случае над ним (именно так жила семья, в которой вырос Милтон Фридман⁵).

Примечательной чертой таких групп является не то процветание, которое в конечном итоге вознаграждает их представителей, а ужасающая бедность, из которой они поднялись к своему благосостоянию многолетним трудом - часто на протяжении нескольких поколений. Так, в наше время малоимущие американцы, живущие на пособие, просто благоденствуют в сравнении с евреями-иммигрантами нью-йоркского Нижнего Ист-сайда⁶. Например, проведенное в 1908 г. обследование показало, что примерно у половины живущих там семей одна комната приходилась на 3-4 человека, примерно в 25% семей – на пять и более человек и менее чем в 25% - на двух человек. В тот же период китайские иммигранты, прибывавшие в страны Юго-Восточной Азии, обычно отличались такой же бедностью на грани нищеты. Согласно фундаментальному научному труду Виктора Пурселла «Китайцы в Юго-Восточной Азии»⁷, «иммигранты-китайцы, прибывавшие в Индонезию, обычно привозили с собой лишь тючок с одеждой, циновку и подушку.» Примерно так же обстояло дело у ливанских иммигрантов в колониальной Сьерра-Леоне и впоследствии – у корейских иммигрантов и вьетнамских беженцев в Соединённых Штатах.

Эти и прочие общие черты, роднящие «меньшинства посредников» в разных странах мира, породили интересный феномен – китайцев-хуацяо стали называть евреями Юго-Восточной Азии, народность ибо – евреями Нигерии, парсов – евреями Индии, а ливанцев – евреями Западной Африки.

³ Как отмечает Л. Поляков, «чаще всего под залог отдавали предметы одежды. Невыкупленные предметы, отданные под залог, подлежали продаже. Если это были предметы одежды, то предварительно их обновляли. В этом заключается причина специализации евреев в штопке и шитье, что безусловно способствовало сохраняющейся вплоть до настоящего времени концентрации евреев в сферах, связанных с производством одежды.»

⁴ Крупные американские компании по производству и торговле одеждой.

⁵ Нобелевский лауреат по экономике 1990 г.

⁶ Юго-восточный район Манхэттена.

⁷ *The Chinese in Southeast Asia. By Victor Purcell. Second Edition. Oxford, London, 1965.*

Но были у них и другие прозвища – зловещие и леденящие. Их награждали эпитетом «паразиты» - поскольку они, будучи мелкими торговцами и ростовщиками, не производили ничего материального, а были лишь посредниками между производителями товаров и их потребителями. Другое прозвище – «кровопийцы», выражающее представление о посредниках как о тех, кто не вносит свой вклад в благосостояние общества или нации, а просто ухитряется урвать свой кусок от богатства других и за их счёт. Подобное обвинение выдвигалось против бесчисленных «меньшинств посредников», от деревень Индии до негритянских гетто Соединённых Штатов.

Сколько раз этим меньшинствам приходилось бежать, спасая свои жизни от разъярённой толпы, сколько раз власти подвергали их массовым изгнаниям! Однако, изгнание этих «паразитов» и «эксплуататоров» для оставшегося населения оборачивалось не процветанием, а экономическим упадком, если не катастрофой, – что и случилось с экономикой Уганды, которая просто рухнула после изгнания индусов и пакистанцев в 70-х годах XX-го века. Сходные последствия наблюдались на всём протяжении европейской истории после каждого изгнания евреев, а в азиатских странах - после избавления от подобных «меньшинств посредников».

«Клановый» - ещё один эпитет, которым награждают «меньшинства посредников» в разных странах, от парсов в Индии до евреев в Соединённых Штатах. Клановость в какой-то мере неизбежна, когда подобное меньшинство ассоциируется с определённой территорией – именно той, в которой сосредоточена её розничная торговля или ссудные заведения. Когда лавки, ссудные кассы и ломбарды такого меньшинства сосредоточены в районе, основное, титульное население которого принадлежит к другой группе, основой и источником средств к жизни меньшинства становится именно их культурное отличие от такого большинства. Так, крестьяне стран Юго-Восточной Азии, не отличающиеся бережливостью (или просто от недостатка денег), обращались за ссудами и кредитом к посредникам – китайцам-хуацяо – только потому, что именно они были бережливы. Для семьи хуацяо позволить своим детям слиться с культурой коренного населения и перенять их ценности и типы поведения означало бы разорение, экономическое самоубийство. Это же справедливо в отношении и других «меньшинств посредников» в разных странах мира.

Экономическая необходимость культурного обособления означает не только социальное отчуждение, но и чувства возмущения и обиды в окружающем социуме – чувства, которые умелый демагог может с лёгкостью взвинтить до политической враждебности или прямого насилия. Это случалось бесчисленное количество раз и повсеместно – озверевшие толпы с яростью набрасывались на марвари в Бирме, убивали ибо в Северной Нигерии, терзали армян в Османской империи, громили ливанские лавки в Сьерра-Леоне, уничтожали китайцев-хуацяо в Сайгоне, Джакарте и Куала-Лумпуре, а уж евреев громили и убивали во многих странах Европы и средних веков, и нового времени.

Масштабы смертельной вражды против «меньшинств посредников» несравнимы с масштабами насилия против иных меньшинств – таких как, например, покорённые племена или бывшие рабы. Число китайцев, ставших жертвами разъярённой толпы в 1782 г. в Сайгоне, или евреев – в 1096 г. в Центральной Европе или в 1648 г. в Украине (не говоря уже об армянах, истреблённых в Османской империи в 90-х годах XIX в. и во время Первой мировой войны) многократно превосходит число негров, подвергнутых линчеванию за всю историю Соединённых Штатов. Только нацисты превысили скорбный счёт уничтоженных в геноциде армян - Катастрофа европейского еврейства, став апогеем преследо-

ваний евреев, в то же время оказалась кульминационной точкой долгой истории безудержного и яростного насилия, направленных против «меньшинств посредников» в самых разных странах.

Чем же объясняется столь убийственная вражда против именно этого меньшинства? Чем объяснить насилие в отношении групп, которые сами по себе к насилию совершенно не склонны?

Ответ отчасти заложен в роли «меньшинств посредников» как таковой. Долгое время мелкая торговля и ссудно-залоговая деятельность считались экономически ущербными, не способствующими росту «реального», «ощутимого» благосостояния общества, - даже если промышленявшие ими люди не принадлежали к обособленной группе. Более того, и в средневековой Европе, и в исламских странах взимание ссудного процента считалось грехом⁸; в обществах азиатских и африканских стран хотя и не существовали религиозные запреты на это занятие, но оно считалось по меньшей мере предосудительным. В часто цитируемой статье одного британского экономиста, оказавшегося в лагере военнопленных в Германии во Вторую мировую войну, отмечается, что среди заключённых самопроизвольно возникали такие «посредники», к которым солагерники относились с презрением, хотя занимались этим вовсе не выходя из определённой этнической группы, а самые разные личности – от католического священника до сикха.

На протяжении почти всей истории человечества большинство населения занималось тяжким сельскохозяйственным трудом и зарождение промышленности означало для них лишь смену декораций – на фабрике приходилось трудиться не менее тяжело, чем на земле. Как тут не вознегодовать на «белоручек», зарабатывающих на жизнь значительно меньшими усилиями, - просто продавая то, что произвели другие, и получая больше денег, чем давали займы. А если такими людьми оказывались представители «меньшинств посредников», вступал в действие ещё и фактор этнических различий – и вот налицо всё, что нужно как для подспудной ненависти окружающих, так и для демагогии, подогревающей её до точки кипения.

Возможно, не менее важным оказывается ещё один фактор – неизбежная угроза самосознанию («эго-сознанию») других людей, порождаемая этими меньшинствами, которые из нищеты возносятся выше материального уровня окружающих. А что же прикажете этим окружающим думать? Конечно, истории о бедняках, выбившихся в люди, кого-то вчуже и вдохновляют, но те, кто живёт бок о бок с «меньшинством посредников», видят их появление – практически нищих, едва владеющих местным языком, но с течением времени становящихся зажиточнее своих соседей, – реагируют вполне определённым образом: либо «как же получилось, что эти пришельцы нас так уделали?», либо «наверняка они добились всего незаконным путём!». Стоит отметить, что последнее объяснение обычно наготове у демагогов и его с охотой воспринимают те, кто им внемлет, ещё более разжигая в себе ненависть к чужакам.

Когда людям приходится выбирать – либо презирать себя за собственную косность и отсталость, либо ненавидеть других за их успехи, они редко выбирают первое.

⁸ Здесь автор не совсем прав. Начиная с XIV в., канонический запрет ссужать деньги под проценты постепенно размывался под давлением экономических потребностей и уже в начале XVI в. папа Лев X, а затем Тридентский собор (1545–1563) одобрили принцип взимания процентов.

Проведенные в Соединённых Штатах исследования показывают, что лишь трудолюбие, скромный образ жизни и бережливость корейских иммигрантов позволяют им через некоторое время после прибытия в страну открыть лавочку в чёрном гетто, а работа в ней с раннего утра и до поздней ночи даёт средства к более чем скромному существованию. Но несмотря на эти очевидные результаты, среди чернокожего населения господствует уверенность в том, что успех корейских и других иммигрантов из Азии объясняется некими особыми государственными поощрениями, недоступными неграм. Разумеется! А какое иное объяснение не нанесёт болезненный удар по самолюбию этих обитателей гетто? Сотрудник-негр учреждения штата, распределяющего субсидии малым предприятиям, припоминает, как местное чернокожее население заваливало его жалобами на то, что это учреждение отдаёт предпочтение начинающим азиатским бизнесменам в ущерб чернокожим. И, говорит он, несмотря на очевидную нелепость подобных претензий, мне так и не удалось поколебать их уверенность. Поверить в обратное было выше их сил.

Роль ущемлённого самолюбия – скорее, самомнения – в возникновении вражды к «меньшинствам посредников» проявляется и иными путями. Ненавидящему и убить-то мало – жертву следует ещё унижить и лишити всего человеческого. С женщин срывали одежду, обнажая их прилюдно, – так поступали погромщики с армянками в Османской империи и нацисты – с еврейками в нацистских лагерях смерти. Трудно вообразить садистские унижения, которым в подобных обстоятельствах не подвергались бы в равной степени и мужчины, и женщины. Когда в 90-х годах XX-го века в надежде восстановить экономику Уганды кто-то предложил вернуть в страну азиатских иммигрантов, высланных 20-ю годами ранее, в ответном хоре негодования особо выделялась группа, угрожающая тем, кто отважится вернуться, убийством, причём «наиболее издевательским образом». Просто убийство, видимо, окажется недостаточным, чтобы залечить раны, нанесенные самолюбию тех, кого эти преуспевшие иммигранты оставили так далеко позади.

Показательно, что враждебное отношение к представителям тех или иных меньшинств, бросающим своё традиционное занятие, с которого они начинали, как правило, не утихает. Это неудивительно – ведь те же трудолюбие, скромный и рачительный образ жизни и дальновидность, без которых стало бы невыносимым выживание «меньшинств посредников», часто ведут к выдающимся успехам в образовании, профессиональной деятельности и управлении крупными коммерческими предприятиями.

Даже малообразованные или необразованные представители таких меньшинств часто понимают, насколько важно дать образование своим детям. Поэтому, как только китайские иммигранты, прибывавшие в страны Юго-Восточной Азии в XIX веке, начинали процветать в своих лавочках и прочих занятиях, они тут же приступали к финансированию создания китайских школ. Так, например, в Малайзии последующие поколения китайского меньшинства поставляли абсолютное большинство студентов Малазийского университета – до тех пор, пока правительство не ввело квоты, ограничившие их численность. В 60-х годах прошлого века китайские студенты составляли подавляющее большинство среди получивших дипломы в технических областях – 404 китайца и всего 4 малайзийца. Такое сосредоточение выпускников колледжей и университетов в наиболее сложных и, соответственно, обеспечивающих высокие доходы специальностях стало общей закономерностью среди выходцев из «меньшинств посредников» – будь то хуацяо в Малайзии, ливанцы в Бразилии или евреи во многих странах мира.

В любой стране среди ливанских иммигрантов первой волны было много неграмотных, а высокообразованных – считанные единицы. Ливанцы, однако, – как и китайцы, евреи, армяне и другие – вышли из среды, где образованность очень ценилась даже теми, кому не довелось учиться. Впрочем, образование и не играло ведущей роли в становлении общины. Как правило, лишь прочно встав на ноги в предпринимательстве, «меньшинство посредников» позволяло себе освободить детей от работы и отправить в школу, и ещё через какое-то время оказывалось в состоянии дать детям высшее образование.

В школах и высших учебных заведениях дети «меньшинств посредников» – армян в Османской империи, китайцев в Юго-Восточной Азии, евреев в США, – как правило, преуспевали. Но даже евреи, при всём их благоговении перед учёностью, выдвинулись в Америке вовсе не за счёт образованности. Согласно проведенному в 1951 году опросу студентов Нью-Йоркского городского колледжа, основную массу которых составляли евреи, лишь 17 процентов их отцов, родившихся до 1911 года, закончили восемь классов.

Вспомним корейских иммигрантов или вьетнамских беженцев, открывающих мелкую лавочку в одном из чёрных гетто Америки. Несмотря на бедность, отсутствие беглого английского и хороших манер, растущее год от года благосостояние этих мелких предпринимателей становится своего рода вызовом обитателям гетто. Ведь дети этих иммигрантов, рождённые уже в Америке, скорее всего получают образование в колледжах (возможно даже, что в самых престижных), в то время как уделом детей большинства местного населения становятся иные перспективы – низкооплачиваемая работа, безработица, а для многих и тюрьма. Вдобавок следует отметить, что в таких районах атмосферу неприязни и возмущения «несправедливыми» имущественными различиями создают именно те, кто задаёт тон как в местном гетто, так и в обществе в целом. Это и приводит к образованию благоприятной среды для взглядов и действий, называемых антисемитизмом (когда они направлены против евреев), которые весьма сходны с взглядами и действиями, направленными против других «меньшинств посредников» - в разное время и в разных странах мира, но столь же неизбежно.

Послесловие

Предложенная вниманию читателей статья – сокращённое (и, увы, неизбежно обеднённое) извлечение из капитального труда Т. Соуэлла «Миграции и культуры»⁹ - части трилогии, в которую вошли также не менее значимые книги «Завоевания и культуры»¹⁰ (1998) и «Раса и культура»¹¹ (1994).

По меткому выражению Ульриха Филлипса, «не мы живём в прошлом, а прошлое живёт в нас.» В своей трилогии Томас Соуэлл анатомирует и реконструирует это прошлое, анализируя генезис массового восприятия социопсихологических и культурных реалий и их воплощение в общественных институтах и политическом мышлении сегодняшнего общества. Особое внимание он уделяет мигрантам как носителям «контрастных» культур в чужеродном (и часто – враждебном) окружении титульного этноса, обна-

⁹ Migrations and Cultures: A World View. By Thomas Sowell. Basic Books.

¹⁰ Conquests and Cultures: An International History. By Thomas Sowell. Basic Books.

¹¹ Race and Culture: A World View. By Thomas Sowell. Basic Books.

руживая сходные закономерности в совершенно разных эпохах и уголках мира. И в этом смысле еврейская диаспора – наиболее наглядный и выразительный пример противостояния, в котором сталкиваются сформированные веками системы ценностей – важный компонент культуры. Антисемитизм и стал продуктом таких столкновений.

Соуэлла часто упрекают (и столь же часто - незаслуженно) в пренебрежении ролью религии в формировании отношений между меньшинствами и их окружением. Действительно, когда речь заходит об антисемитизме, первые же ассоциации - погромы, изгнания, массовое уничтожение – неизбежно связывают его с титульной конфессией, будь то христианство или ислам. И лишь немногие дают себе труд ознакомиться с историческими фактами, неоспоримо утверждающими, что роль церкви в преследовании евреев (например, в европейском средневековье) далеко не так проста и очевидна, как это представляется обыденному сознанию.

Так, например, в рассуждениях об историко-религиозных корнях антисемитизма стал общим местом довод о том, что евреи стали заниматься ссудным делом только потому, что христианам и мусульманам религия якобы запрещала ростовщичество. Рамки послесловия не позволяют привести должное количество аргументов против этого утверждения, поэтому ограничусь лишь ссылкой на его прекрасное историко-экономическое и теологическое освещение¹² (и в особенности главы о еврейских ростовщиках, якобы вызывавших всеобщую ненависть христиан и первыми принимавших на себя удары гонений на евреев в средневековой Европе).

Любую слаборазвитую экономику (а именно такой и была экономика средних веков) можно сразу распознать по неизменному симптому – постоянная и болезненная нехватка как средств производства, так и наличных денег. В этих условиях единственное лекарство от стагнации - займы и ссуды. И даже такой мощнейший институт как римско-католическая церковь не мог остановить экономическое развитие: ведь если бы запрет на ссудно-залоговую деятельность соблюдался буквально, это сделало бы невозможным любой кредит и, следовательно, любую торговлю в сколь-нибудь значительных размерах. Поэтому церковь предпочла компромисс, в результате которого, например в Италии, уже в XIV в. ссудная касса становится государственным учреждением.

Как отмечает Л. Поляков, «с точки зрения христианской теологии предпочтительней, чтобы этим занимались евреи; с еврейской точки зрения связанный с этим позор значительно меньше». И далее: «... папская канцелярия предоставляла еврейским заимодавцам официально оформленные концессии, которые служили им одновременно рекламой и защитой. Еврейские ростовщики Лотарингии также могли этим пользоваться. Разумеется, за это они должны были платить соответствующие сборы. По мере того, как папы, чья казна раньше пополнялась всем христианским миром, должны были ограничиваться теми доходами, которые они могли получать в своем собственном государстве, а также продажей должностей и т. п., роль этих сборов становилась все более существенной.» (op.cit.)

Отчасти поэтому для Соуэлла вопрос о религии как факторе антисемитизма относится к ряду второстепенных – даже в сравнении с тем, что занятие ссудами и залогами

¹² Леон Поляков. История антисемитизма. (*Leon Poliakov. Histoire de l'antisemitisme. L'age de la foi.*) Под ред. проф. В. Порхомовского. "Gesharim" Lechaim Publications, Jerusalem, Israel. 1997. ISBN 5-88711-014-7).

обеспечивало более высокую ликвидность накопленного капитала (в сравнении с недвижимостью или торговым предприятием) в случае преследований или немилости очередного властителя, вынуждающих перебраться в другую местность. Он выделяет прежде всего наиболее существенные признаки явления, достоверные и исторически, и статистически, а уж затем квалифицирует его, не сводя всю сложность вопроса только к экономике или массовой психологии.

Среди современных мыслителей вряд ли можно отыскать человека, который столь незаслуженно мало известен русскоязычному читателю. Публикуя перевод этой статьи, я попытался хоть в малой степени восполнить этот пробел - в надежде на последующие публикации трудов этого выдающегося учёного на русском языке.